

Лань Цзыцзюнь видел всё, но не мог сдвинуться с места: его кисть ещё не закончила выводить сложный узор амулета. Он отчаянно ускорил движения, молясь лишь о том, чтобы успеть.

Тяжёлый стебель устремился вниз, метя точно в Хуа Тяня. В самый последний миг, когда гибель казалась неизбежной, неведомая мощная сила сокрушительным ударом разнесла зелёный хлыст в щепки. Обломки лозы с треском посыпались кругом, едва не задев юношу.

Распахнув глаза, Хуа Тянь увидел перед собой знакомый силуэт. Мужчина стоял, небрежно заложив руки за спину.

— Хуагай! — выдохнул он.

Облегчение накатило волной: слава богу, превратиться в кровавую лепёшку ему сегодня не грозит.

В то же мгновение Лань Цзыцзюнь закончил амулет и точным движением залепил им один из отростков Зелёного Плюща. Тонкие побеги тут же судорожно раздулись. Искривление мгновенно поползло по всему телу монстра, превращая его в подобие уродливой, раздувшейся жабы. Тварь разрослась настолько, что заполнила собой весь храмовый двор, не оставив свободного места.

Раздался оглушительный хлопок. Не выдержав внутреннего давления, Плющ лопнул. Во все стороны брызнула густая зелёная жижа — над крошечной обителью пролился настоящий травяной ливень. Монахи даже охнуть не успели, как оказались с ног до головы облеплены вонючей слизью. От их лысых голов теперь разило перемятой травой, а чистые круги вокруг испуганных глаз на измазанных лицах выглядели донельзя комично.

— Ха-ха-ха! — Хуа Тянь согнулся пополам, хватаясь за живот. Хохот его разносился по всему двору — безумный, пьянящий смех человека, который только что избежал гибели. Сам он благодаря широкой спине Императора Хуагая остался чистым, а потому без зазрения совести потешался над несчастными монахами.

Лань Цзыцзюнь, ещё не знавший о прибытии грозного покровителя, поспешил к Хуа Тяню, втайне надеясь, что не застанет на месте друга лишь окровавленное месиво.

Император Хуагай величественно и строго воззрился на приближающегося заклинателя и негромко, но властно бросил:

— Безрассудство!

Этот холодный выговор заставил Лань Цзыцзюня замереть на месте. Лицо его потемнело. Круто развернувшись и гневно взмахнув широкими рукавами, он молча зашагал прочь из храма.

— Хуагай, что это с ним? — отсмеявшись, спросил Хуа Тянь. Всё это время он разглядывал измазанных монахов и пропустил безмолвную дуэль взглядов. Он видел лишь, как Лань Цзыцзюнь уходит в явном раздражении. Юноша уже успел неплохо изучить своего нелюдимого спутника и безошибочно отличал обычную холодность от настоящей обиды.

Император повернулся к нему, и суровость на его лице мгновенно сменилась мягкой, тёплой улыбкой.

— Должно быть, решил, что я лишил его заслуженной славы, — отозвался он. — Вот и осерчал.

Хуа Тянь послушно кивнул, сделав вид, будто поверил, но про себя подумал: «Как же, держи карман шире. Цзыцзюнь никогда не гнался за дешёвой славой. Слишком уж топорная отговорка».

— Хуагай, я во всём разобрался, — поспешил сменить тему Хуа Тянь, возвращаясь к насущным делам. — Инъин ни в чём не виновата.

— Знаю. Я пристально следил за твоим расследованием, — мягко ответил Император.

Иначе как бы он успел явиться из Небесного дворца в самую нужную секунду?

— Твоего слова в качестве свидетеля будет более чем достаточно! — обрадовался Хуа Тянь. — Сделай милость, доставь этого настоятеля в Западный рай. Пусть предстанет перед Буддой Шакьямуни и всё объяснит, чтобы с Инъин наконец сняли все обвинения.

Юноша небрежно указал на забившегося в угол настоятеля, который от страха окончательно лишился дара речи. Подобное зрелище обычным смертным видеть не доводилось. Для любого монаха предстать пред ясные очи Будды — предел мечтаний всей жизни, так что Хуа Тянь, можно сказать, оказал этому лысому мошеннику великую честь. Вот только признает ли великий Татхагата столь недостойного последователя?

— Будда Татхагата желает, чтобы ты явился к нему лично, — вдруг проговорил Император Хуагай. — Но если у тебя нет охоты, я могу передать ему твой отказ.

— Отчего же нет? Обязательно пойду! — перебил его Хуа Тянь. — Люди на части готовы разорваться, лишь бы хоть краем глаза увидеть Западный рай и самого Будду Шакьямуни!

Юноша и впрямь давно горел любопытством взглянуть на легендарную чистую обитель.

Император лишь понимающе кивнул.

— Только прежде чем отправляться в Западный рай, я должен обрадовать Инъин. Хуагай,

подожди меня здесь до вечера, ладно? — попросил Хуа Тянь. Всё-таки он ввязался во всю эту историю исключительно ради подруги детства, прочие же заботы его мало волновали.

Император прекрасно это понимал, а потому без лишних споров кивнул.

Отыскав в полуразрушенной пристройке какой-то прочный холст, Хуа Тянь накрепко примотал к спине безжизненное тело Цзя Ланя и начал спуск с горы.

Единственная тропа вела вниз. Зная, что Лань Цзыцзюнь ушёл не так давно, Хуа Тянь изо всех сил припустил следом.

— Брат Цзыцзюнь, стой! Подожди меня! — крикнул он издалека.

Труп за плечами немилосердно мотало из стороны в сторону, мешая бежать, и Хуа Тяню пришлось изрядно попотеть, чтобы нагнать спутника. Однако Лань Цзыцзюнь даже ухом не повёл, лишь упрямо прибавил шаг.

— Лань Цзыцзюнь, а ну стоять! — рявкнул Хуа Тянь, напрочь забыв о своей привычной шутливой манере.

Неожиданно грозный окрик подействовал. Заклинатель замер и недоверчиво обернулся, словно подозревая, что в его непутёвого приятеля вселился какой-то злой дух.

Воспользовавшись заминкой, Хуа Тянь мигом сократил дистанцию и тут же расплылся в привычной ухмылке:

— Ну вот, так-то лучше, брат Цзыцзюнь! Наше дело ещё не закончено, негоже разбежаться на полпути.

— Куда уж мне, — язвительно буркнул тот. — Тебя сам великий Император из беды выручает, где мне тягаться с небожителями.

Уловив скрытую обиду в его голосе, Хуа Тянь мысленно усмехнулся. Так и есть: Цзыцзюня задело не то, что кто-то вмешался, а то, что на помощь пришёл именно благородный Хуагай.

— Ой, да брось ты! — махнул рукой юноша. — Император обитает в заоблачных высях, ему недосуг вникать в наши земные дразги. Явился разок, только и всего. А вот ты — мой верный напарник! Твоё мастерство неоспоримо, и в трудный час я могу положиться только на тебя.

Хуа Тянь умудрился одной фразой и владыку уважить, и уязвлённое самолюбие товарища знатно умаслить. Приём сработал безупречно: лицо Лань Цзыцзюня заметно посветлело, хотя он и поспешил напустить на себя суровый вид.

— Ладно тебе скалиться, — проворчал он. — Пошли скорее. Нужно отнести тело и закрыть это проклятое дело.

Тяжесть ледяного мертвеца за плечами навевала уныние. Всю дорогу Хуа Тянь со страхом думал о том, что станет с несчастной Инъин, когда она увидит то, что осталось от её возлюбленного.

Они в третий раз переступили порог поместья Лю, и то встретило их гнетущим запустением. Старый господин Лю практически опустошил семейное гнездо: всё мало-мальски ценное имущество уже вывезли. В огромной усадьбе остались лишь несколько дряхлых слуг, которые уныло мели опавшую листву. Всё было готово к худшему — дом замер в ожидании кончины молодой хозяйки.

Даже не думая прятать страшную ношу, Хуа Тянь напролом зашагал к жилым покоям. Слуги с криками разбежались в стороны, зажимая рты и не смея поднять глаз на жуткое зрелище.

— Безумец! — преградил ему дорогу выскочивший наперерез господин Лю. — Ты что творишь?! Зачем притащил в мой дом эту падаль?!

Но стоило старику разглядеть мертвенно-бледное лицо Цзя Ланя, покрытое трупными пятнами, как он в ужасе отшатнулся на несколько шагов, осыпая юношу проклятиями.

Хуа Тянь даже не удостоил его ответом. Проигнорировав вопли хозяина усадьбы, они с Лань Цзыцзюнем напрямик направились к спальне девушки. Господин Лю лишь бессильно глотал воздух от ярости, но в конце концов обречённо взмахнул руками и поплёлся прочь. Ему уже не было дела до происходящего.

— Инъин, — тихо постучал в дверь Хуа Тянь, не решаясь войти без спроса. — Я принёс Цзя Ланя.

— Входи, — донёсся изнутри на удивление ровный, тихий девичий голос.

— Хорошо, я войду, но пообещай мне кое-что, — замялся юноша на пороге. — Когда увидишь его... умоляю, держи себя в руках. Сбереги свои силы.

Больше всего он боялся, что несчастная испустит дух от невыносимого горя прямо у них на глазах.

— Я обещаю. Входи же, — повторила она всё так же бесстрастно.

Хуа Тянь осторожно переступил порог. Лань Цзыцзюнь вошёл следом; на его лице читалось праздное любопытство — ему не терпелось увидеть, как поведёт себя девица.

Опустив мертвеца на пол, Хуа Тянь принялся заботливо расправлять на нём одежду и укладывать руки, стараясь придать телу менее пугающий вид.

— Пустые хлопоты, — негромко фыркнул из-за его спины заклинатель.

Но Инъин не стала биться в истерику. Она лишь беззвучно смотрела на окоченевшие останки. Собрав последние силы, девушка сползла с постели и, шатаясь, рухнула на колени перед телом возлюбленного. Тонкие пальцы раз за разом бережно очерчивали восковые, ледяные черты лица. Одинокая горячая слеза сорвалась с её ресниц, упала на лоб мертвеца и бесследно впиталась в пыльные половики.

Спустя несколько долгих мгновений она медленно поднялась, повернулась к Хуа Тяню и внезапно пала ниц перед ним, отвесив земной поклон.

Хуа Тянь решил, что она хочет отблагодарить его, и уже приготовил мягкую, дружескую отповедь: мол, мы ведь дружим с малых лет, к чему эти церемонии, сейчас главное — поправиться и восстановить здоровье...

Он поспешил поднять её на ноги, но Инъин вдруг заговорила о вещах, казалось бы, совершенно неуместных:

— Брат Хуа, вчера я видела сон. Молю тебя, выслушай меня до конца.

— Поднимись сначала, тогда и поговорим, — мягко настаивал юноша.

— Нет, сначала выслушай!

Не в силах переспорить упрямицу, Хуа Тянь опустился на колени рядом с ней.

— Вчера недуг навалился с такой силой, что я лишилась чувств, — прошептала Инъин. — В этом беспамятстве мне привиделось, будто явился чёрный вестник смерти в высоком колпаке, связал меня и повлёк в Подземное царство. Там, в загробном мире, грозный Судья ада с лицом чернее угля вознамерился учинить надо мной суд. Я понимала, что мой земной срок истёк, и смирилась бы... но мысль о том, сколько хлопот я доставила тебе, брат Хуа, придала мне смелости. Я взмолилась о пощаде, прося даровать мне хотя бы несколько дней.

«Судья Подземного царства?» — мысленно хмыкнул Хуа Тянь. Кому, как не самому Янь-вану, знать своих подчинённых? Стало быть, девицу судил Чжун Ли.

— Я долго упрашивала его, — продолжала Инъин, — но вершитель судеб оставался непреклонен. Он твердил, что круг сансары священен, и если каждый станет нарушать предначертанное, воцарится хаос. Я уже совсем отчаялась и готова была сдаться, как вдруг случайно обмолвилась о тебе. И представляешь? Стоило мне назвать твоё имя, как Судья ада в

тот же миг переменялся в лице, велел развязать меня и отпустил обратно в мир живых!

Хуа Тянь так и просиял от гордости. Надо же, а ведь Чжун Ли с виду такой недотёпа, а соображает быстро! Понимает, чьё имя весомо в преисподней.

Договорив, Инъин вновь склонила голову до самого пола.

— Инъин, милая, встань же наконец, — взмолился Хуа Тянь, бережно поднимая её за плечи. Он понимал: для неё этот сон давно перерос в непреложную истину. — Говори прямо, чего ты хочешь.

— Брат Хуа... я не знаю, какими силами ты повелеваешь Подземным царством и отчего тамошние Судьи ада беспрекословно повинуются тебе, — заговорила она сквозь рыдания, и слёзы хлынули с новой силой. — Но у меня к тебе лишь одна просьба. Заклинаю, позволь мне повидаться с Цзя Ланем! Хотя бы ещё разок!

— Хорошо, хорошо, я обещаю, — закивал растроганный юноша.

Видеть её безмерное горе было выше его сил. Да и чего ему стоило вернуть из Подземного царства одну заблудшую душу? Уж Великому владыке ада такая малость точно под силу.

Однако стоявший поодаль Лань Цзыцзюнь тут же поспешил вылить на него ушат ледяной воды:

— Не давай обещаний, которые не сможешь исполнить. Души Цзя Ланя в Подземном царстве нет.

— Как это нет? — опешил Хуа Тянь.

— Цзя Лань был буддийским монахом, — наставительно пояснил заклинатель. — А значит, после кончины его дух отходит во владение Будды Шакьямуни.

— Под покровительство Будды? Вот ведь совпадение! — Хуа Тянь так и воспрянул духом. — Как раз сегодня Император Хуагай соберётся проводить меня в Западный рай. Там я у почтенного Татхагаты обо всём и попрошу!

Лань Цзыцзюнь лишь презрительно фыркнул и отвернулся.

— Что опять не так? — надулся Хуа Тянь, задетый его скептицизмом. — Неужто великий Будда откажет мне в такой мелочи?

— Проси об этом кто угодно другой — может, и не отказал бы, — загадочно протянул Лань

Цзыцзюнь. — Но вот конкретно тебе... тут бабушка надвое сказала.

В его голосе сквозила явная насмешка, однако делиться подробностями он не собирался. Как ни допытывался Хуа Тянь, как ни выходил из себя — заклинатель хранил гордое молчание.

— Да чтоб твои тайны у тебя в утробе червями изошли! — в сердцах бросил Хуа Тянь, пытаясь уязвить брезгливость собеседника.

— Пусть хоть все черви мира там заведутся, а тебе ни слова не скажу. Мучайся теперь, — ехидно парировал Лань Цзыцзюнь, на сей раз на удивление спокойно перенеся упоминание мерзких личинок.

Когда они собрались уходить, Инъин проводила Хуа Тяня долгим, полным отчаянной надежды взглядом. Юноша ободряюще подмигнул ей:

— Ступай отдыхать. Всё устрою, верну его в лучшем виде.

Однако стоило им выйти за ворота, как весёлость с него мигом слетела. Он уныло покосился на спутника:

— Вот скажи мне, Цзыцзюнь, разве я не святой человек? Мало того что меня безропотно нарядили рогоносцем, так я ещё из кожи вон лезу ради их счастья.

Лань Цзыцзюнь лишь смачно сплюнул на обочину:

— Сколько дней мы возились с этим делом, а до тебя только дошло? Они любят друг друга. А ты тут с самого начала был сбоку припёку.

— Ну надо же мне было как-то утешить своё уязвлённое эго, — криво усмехнулся Хуа Тянь.

— Так тебе и надо! — безжалостно отрезал заклинатель.

<http://bllate.org/book/18412/1796462>